

A dark, hooded figure stands in a misty forest, holding a blood-stained sword. The ground is covered in fallen armor and weapons, with torches illuminating the scene. The title "Сказ о живых и мёртвых" is written in large red letters across the center.

Сказ о живых и мёртвых

Чёрный Гусар

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чёрный Гуссар

Сказ о живых и мёртвых

<https://litres.ru/74492597>

SelfPub; 2026

Аннотация

Здесь нет невинных. И нет виноватых.

Одни идут с востока, другие стоят на реке. Одни молятся светлomu, другие режут во имя тёмного. И те, и другие правы. И те, и другие — нет.

Здесь зло не прячется в подземельях. Оно сидит за столом, пьёт вино и улыбается. Оно ходит по земле в облике человека. Оно требует крови — и получает её.

Здесь есть леса, куда не ступает человек. Есть чудища, каких не встретишь в сказках. Есть боги, которые давно перестали быть добрыми.

Здесь каждый выбирает. И каждый ошибается.

Тёмное славянское фэнтези о мире, где нет правых.

Если короче

Здесь нет невинных. И нет виноватых.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Чёрный Гуссар

Сказ о живых и мёртвых

Глава 1

Пролог

Осенью, когда северные ветры затянули молодым, тонким льдом прибрежные воды широкой Ржа́ви, в барском тереме шёл пир горой. Тусклые смоляные факелы едва разгоняли тяжёлый полумрак, выхватывая из темноты бревенчатые стены. В зале стоял гул: смердело кислым хмелем, пережаренным мясом и чесночным духом. Жирный, распаренный купец, лоснясь от пота, бесстыдно лапал полонянку в оборванном кафтане, а та лишь беззвучно глотала слёзы.

У дубовых дверей, опершись на боевые топоры, переменились двое гридней. Заскучав на страже, они вполголоса повздорили:

— А я тебе реку́, — горячился один, ковыряя пальцем зазубрину на щите, — у ворот Кривого Пня я самолично дюжину степных ковылей наглухо положил!

— Бреешь ты всё, пустомеля! — второй воитель лишь хмыкнул в усы и приглушённо расхохотался. — Скажи ещё,

будто в одиночку всю орду разгнал.

Но в один миг гомон в палате разом стих. Тяжёлые, обитые железом створки с криком отворились, пустив внутрь морозную стужу с берегов замерзающей реки. На пороге показался молодой отрок из барской дружины — звали Ванькой. Доспех его ещё хранил холод предзимней ночи.

Ванька шагнул вперёд. Загудевшая палата разом притихла, толпа расступилась перед молодым дружинником — кто-то торопливо уступил дорогу, а кто-то и вовсе отшатнулся в тень. Сам барин восседал у раскалённого очага. Огонь ревел, сыпал яростными искрами, и багровые тени бешено плясали по бревенчатым стенам.

Барыня из Бугани — статная молодница в синем парчовом сарафане и с тяжёлым янтарём на шее — тут же отстранилась. Женским чутьём поняла: не её то дело, мужское. Встала, бесшумно отошла в тень и замерла там, провожая отрока зорким, молчаливым взглядом.

Ванька приблизился к самому огню. Склонил голову — не как раб перед хозяином, а преданно, по-воински уважительно:

— Звал, барин?

Барин медленно поднял на него взор. Глаза у него были жуткие — мутные, холодные, будто у рыбы речной. И ни капли хмеля в них, хоть чара за чарой лилась в него весь вечер. Не брало его вино, никогда не брало.

Он долго молчал, крутя в тяжёлых, униженных перстнями пальцев серебряную чашу. Разглядывал племянника, точно оценивал. Потом пригубил тёмного взвара, вытер усы ладонью и заговорил — тихо, глухо, так, чтобы сквозь гул пира расслышал один лишь Ванька:

— Полонянки у меня убегли, — барин зло прищурился и сплюнул под ноги, в опалённую золу очага. — Трои девки. Мне их, почитай, из самого Усть-Горына везли, такой путь проделали... А они в урман подались, дуры! И чего им не сиделось? Тут им и пожрать досыта из барских погребов, и кров над головой в тепле, живи да радуйся. А в урмане они что найдут? Помёрзнут в чашобе, как собаки дикие, али волкам на зубы подвернутся.

Дружинник смолчал, поджав губы, внимая каждому слову.

— Грех такому доброму серебру пропадать, — барин качнул головой, и взгляд его сделался ещё холоднее. — Собери дружину. Шестерых отроков с собой возьми — с лихвой хва-

тит. Урман — то не просто лес. Но полонянки эти серебра стоят, они дороже золота. Верни их. Живыми али мёртвыми.

Ванька коротко кивнул:

— Дозволь слово, барин?

— Говори.

— Дозволь мне самому воев в отряд выбрать.

Он долго буравил отрока рыбьим взглядом, а после криво усмехнулся одним уголком рта:

— Выбирай. Но чтоб к первым петухам на конях сидели. И чтоб духом на полпути не пали. Урман — не Ржавь под ледком. Там не орда стоит. Там... хуже.

Ванька не стал пытаться, что именно там хуже. Знал: барин всё равно не скажет, а коли скажет — соврёт.

Он поклонился, развернулся на каблуках и твёрдым шагом пошёл к выходу.

А барин всё смотрел ему в спину. Долго, не мигая. Лишь когда кованая дверь захлопнулась, он снова повернулся к чаше с вином, к жаркому пламени и к барыне из Бугани, которая уже скользнула обратно к его плечу, зашептала что-то ласковое, тихо рассмеялась...

Ванька вышел в морозную ночь, отобрал шестерых самых крепких гридней и коротко бросил: «В седло».

Утро встретило воев серым, сырым туманом. Кони шли неохотно, прядали ушами и шумно храпели, чуя недоброе. Поначалу прибрежный лес тянулся редкий, куций.

Едва не доходя тёмного Урмана, дружина резко осадила коней. За холмом, пробивая серую хмарь тумана, полыхало багровое зарево — горел Кривой Острог. Мирон аж в стременах приподнялся, лицо побелело: признал родные места, хотел уже было с места в карьер туда скакать.

Но дорогу воям преградил старец. Шёл он навстречу, едва волоча ноги по раскисшей земле. Ванька придержал жеребца, наклонился с седла:

— Отец! Из острога, небось? Что случилось-то там?

Старик поднял иссохшее лицо, и в глазах его отразился далёкий огонь:

— Кадные там... Бесов изгоняют. Посекли уже весь люд, до единого. Нечего там делать боле, не воротишь ничего, сынок.

Мирон рванул было поводья, но Ванька намертво перехватил его руку, осадил.

— Стой, Мирон, — глухо обронил отрок. — Сам ведаешь: к кадным лучше не суяться. Живым не уйдёт никто.

— Почём знаешь, старый? — хрипло выдохнул Мирон, не отводя безумного взгляда от полыхающего за холмом острога.

Старец медленно перевёл на него выцветшие, полные смертной тоски глаза, качнул косматой головой и молвил тихо, едва слышно:

— Гиблое там место... Навь там правит. Не ходите туда, сынки, коли жизни свои дороги.

Ванька снова повернулся к путнику:

— А девок троих не видал ли, старый? Убегли ночью из терема барского.

— Видать не видал, — покачал головой старец, глядя в сторону глухой чащи. — Да только одна им отсюда дорога — в Урман. Коли они в ту чащобу подались... нет их боле в живых.

— Айда! — гаркнул Ванька, натянув поводья.

И стоило дружине углубиться в чащу — Урман стал чернеть и глухо смыкаться над их головами. Птицы вокруг умолкли разом. Будто отрезало. Вои безмолвно двинули сле-

дом за отроком.

В Урмане ночь прижала к самой земле. Кони хрипели, спотыкаясь о корни. И вдруг сквозь хруст валежника донеслось тонкое, жалобное:

— Помогите... Помогите, добры молодцы... Холодно мне здесь... Обогрейте...

Мирон придержал жеребца, вглядываясь во тьму:

— Слышь, Ванька? Девки никак?

— Навь то, — хмуро отрубил Ванька, не оборачиваясь. — Зазывает, тварь. Зубы заговорить хочет. Не слушайте голоса, ходу!

Продрались сквозь ельник на прогалину. У поваленной сосны сжались трое. Ванька соскочил наземь, рванулся к ним и крепко, до хруста, прижал к себе одну из полонянок. Весняна судорожно ухватила за его плечи, дрожа всем телом, а он шептал ей прямо в волосы, перекрывая вой ветра:

— Всё хорошо будет... Нашёл я тебя. Всё хорошо...

Ванька резко обернулся к гридням, что сурово смотрели на него с сёдел, вытянув руки ладонями вверх:

— Браты, стойте! Выслушайте как есть. Не могу я её назад везти. Весняна то... Любовь моя, душа моя! Я сам им бежать помог, сам увёл. Отпустите нас, Бога ради. Скажем барину

— Навь девок прибрала, сгинули в топи. Никто не узнает!

Гридни переглянулись, ошалев от такого признания. Мирон сплюнул под копыта, перехватил поудобнее топор, лицо его перекосило от бешеной злобы, и он зловеще прищурился на отрока:

— Ах ты сука!.. Со шлюхой барской снюхался?! Мы вас отпустим, а барин с нас потом живьём шкуру спустит да кишки вытащит? Не бывать тому. Девки барские, серебра стоят. В седло их, и назад. А тебя, изменник, на верёвке поволочем.

— Мирон, побойся греха, не отдам я её! — Ванька ухватился за рукоять меча.

— Вяжи изменника! — гаркнул Мирон, тронув коня вперёд.

Остальные вои молча начали зажимать Ваньку в кольцо, обнажая клинки.

— Бегите! — истошно крикнул Ванька девкам.

Весняна рванулась было в темноту, но у самой опушки замерла, обернулась. Глаза полные слёз и страха.

— Ваня! — отчаянно крикнула она сквозь лесную глушь.

Ванька поймал её взгляд, перехватил поудобнее рукоять меча и крикнул ей наотмашь, перекрывая свист вспоровшей воздух стали:

— Не бойся! Я догоню!

Железо скрежетнуло, вылетая из ножен. С яростным рёвом Ванька рванулся вперёд, закрывая собой Весняну. Сталь ударила о сталь.

Завязалась сеча, да только недолгая то была битва. Один супротив шестерых конных долго не сдюжит. Ванька успел лишь зацепить клинком плечо одного из гридней, пустив кровь, как его тут же смяли, опрокинули наземь и тяжёлыми копьями намертво прибили к стволу старой ели. Закололи отрока, не пощадили родную кровь.

После этого вои рванули по следу. Кони хрипели, ломая кусты, но жажда наживы и страх перед гневом хозяина гнали гридней вперёд.

И быстро настигли беглянок — увязли те в буреломе, далеко уйти не смогли. Выволокли полонянок на прогалину.

Мирон обвёл их похотливым, сытым взглядом, ухмыльнулся зло:

— Хороши девки... Грех такому доброму серебру пропадать.

Тут же, на глазах у затихающего урмана, гридни по очереди надругались над несчастными, а после Мирон самолично выхватил нож и безжалостно вскрыл им глотки. Тела бросили в окровавленный снег.

Вытерев лезвие о жухлую траву, Мирон повернулся к притихшим воям и глухо обронил:

— Навь прибрала. Так барину и скажем.

Только сорвались эти слова с губ, как Урман замер. В один миг пропали все звуки, мертвенная тишина придавила поляну к земле. Серый туман, что стлался под копытами, вдруг пополз вверх — густой, тяжёлый, пахнувший вековой болотной гнилью и могильным холодом. Кони испуганно захрапели, пятясь назад, а после и вовсе разом рухнули на колени, пряча морды в землю. Луна скрылась за чёрными еловыми лапами, и мрак вокруг стал осязаемым, липким.

И посреди этой гробовой, жуткой тишины из кромешной тьмы раздался ленивый, ироничный смешок.

Тихий туман опал. Из чащи вышла девка. Чёрные ухоженные кудри волнами падали до самых бёдер, а бездонные голу-

бые очи глядели холодно, не мигая, точно два озёрных льда. Страшно красивая, неестественно даже — от одного её вида дыхание перехватывало, а под доспехами прошибал ледяной пот.

Мирон заворожённо смотрел на неё, не в силах ни руку с топором поднять, ни слова вымолвить.

— Что же вы, добры молодцы, такое учудили? — протянула она с ленивой ухмылкой. — Неужто места в своём тепле не нашли, раз припёрлись в мою глушь невинную кровь лить?

Гридни опешили. Один из дружины, испуганно вытаращив глаза, выкрикнул остальным воям:

— Это что ещё за девка?!

— Валите суку! — хрипло гаркнул Мирон, перехватывая топор.

Тот дружинник было дело кинулся вперёд, занеся клинок, но она лишь лениво повела кистью. В тот же миг кости воя с хрустом переломились, мясо отделилось от жил, и всё его тело прямо в доспехе заживо вывернуло наизнанку. Кровавое месиво глухо рухнуло в запятнанный снег.

Двое гридней, что стояли ближе к опушке, не выдержали. С диким, утробным воем они побросали наземь тяжёлые копыя, крутанули коней и дали драпу, ломаясь напрямик сквозь глухой малинник. Мелькали в тумане их испуганные спины, трещал под копытами валежник — казалось, ушли, спаслись.

Но дева лишь мазнула по уходящим воям своим холодным, озёрным взглядом.

Даже шага не сделала. Только в воздухе что-то натужно, сухо хрустнуло, будто старое дерево в мороз переломилось. В тот же миг оба беглеца на полном скаку замерли, как вкопанные. Их головы, наливаясь чёрной кровью, с диким мятым треском провернулись в шеех ровно на полкруга — назад, к прогалине. Лошади понеслись дальше, увлекая за собой обмякшие тела, а мёртвые лица гридней, вытаращив остекленевшие глаза, всё смотрели и смотрели на окровавленный снег, пока их не поглотил серый туман.

Оставшиеся двое воев застыли, намертво приросшие к сёдлам. Зубы у них выбивали яростную дробь, а кони под ними мочились от ужаса.

Усмешка в один миг сползла с лица девы, оставив лишь мертвенную, застывшую маску. Она медленно перевела

взгляд с растерзанных тел полонянок туда, где у корней старой ели остался лежать заколотый, прибитый копьями Иван.

Когда дева снова заговорила, в её голосе больше не было ленивой иронии. Он зазвучал низко, глухо, будто заворачались камни на дне глубокого колодца, а эхо покатилося по всей чёрной чаше:

— Неужто вам, псам смердящим, мамки ваши в детстве не сказывали — в Урман без спроса не ступать? — слова её падали тяжело, точно надгробные плиты. — Неужто не учили, что у этой земли память долгая?

Она широко распахнула очи, в упор глядя на оставшихся дружинников, и резко, наотмашь повела бровью.

В тот же миг воздух на прогалине взорвался. Гридней вместе с конями просто разнесло на куски невидимой, страшной силой, будто изнутри каждого сработал пороховой заряд. С сухим, оглушительным треском лопались кости, рвались кольчужные кольца, летело во все стороны горячее парное мясо. Спустя мгновение на поляне воцарилась тишина, прерываемая лишь глухим, шлёпающим звуком — это с чёрных еловых лап на окровавленный снег лениво капала кровь и тяжело свисали дымящиеся кишки.

Мирон остался один на один с лесной жутью посреди этого кровавого месива. Его лицо, доспех, руки — всё было густо заляпано останками его собственных воев. Но на нём самом не было ни царапины. Топор в его руке весил сейчас как добрый пуд железа.

Мирон сломался в один миг. Ванькина кровь и смерть его людей выбили из него всю спесь. Ноги подогнулись, и он с глухим стуком повалился в грязное месиво. Сдёрнул с головы шлем, запричитал грязно, юродиво, давай кланяться ведьме в самые ноги:

— Пощади, матушка!.. Помилуй, хозяйюшка лесная! Бес попутал, барин приказал... Не губи душу грешную!

Дева посмотрела на него сверху вниз, и на её губы снова вернулась ленивая, издевательская ухмылка. Глаза сузились, полыхнув злым, глумливым огоньком:

— Что ж ты, добрый молодец, запел не по-прежнему? — протянула она, и в её голосе зашипели змеи. — Что ж ты девок беззащитных в цепях брал, храбрился? Ну же, встань! Ступай сюда. Возьми меня, коль такой удалой!

Мирон завыл, пятясь назад на четвереньках, но дева лишь лениво повела кистью, намертво приковав его к месту. Она

медленно перевела взгляд на три безжизненных тела, что лежали в запятнанном снегу, и глухо оборонила:

— Сама о тебя мараться не буду. Поиграй с девами, Мирон.

И тут же прогалина наполнилась её тихим, красивым, но невыносимо страшным смехом — нежным, леденящим душу, от которого кровь мгновенно застывала в жилах.

Не успел этот жуткий хохот затихнуть, а Мирон — вдохнуть воздух, как тишина урмана лопнула от влажного хроста. Тела убитых

Полонянок у него на глазах неестественно дёрнулись. Из перерезанных глоток больше не лилась кровь — оттуда пополз густой, чернеющий туман. Мёртвые девки медленно поднялись на ноги, пугающе глядя на своего палача остеклевшими очами.

Они разом двинулись вперёд, протягивая к нему окровавленные руки. Из их разорванных шей вместе со свистом выходящего воздуха раздался страшный, сиплый, ломаный хор, хрипящий его же собственными, мёртвыми словами:

— Хороши девки... Иди сюда, краса моя... Грех серебру пропадать... Иди сюда...

Мирон ошалело вытаращив глаза, из горла вырвался хриплый, задушенный писк. Он рванулся, но ноги не слушались, намертво приросшие к обледенелой грязи. От этой пугающей издёвки остатки его разума окончательно выгорели, когда холодные мёртвые пальцы разом сомкнулись на его горле и плоти.

А после луна окончательно скрылась за тучами, и Урман поглотила крошечная, липкая тьма. И сквозь эту тьму на километры вокруг, перекрывая свист ветра, из глубины чёрной чащи раздавался дикий, захлебывающийся ор предсмертной агонии. Так кричит человек, которого по кусочкам рвут те, у кого он сам отнял жизнь.

Когда рассвело, серый туман неохотно выполз с прогалины. Натоптанный снег стоял, превратившись в грязное месиво, посреди которого одиноко стояла старая ель с приколотенным к ней телом Ивана. А вокруг, на десятки метров, заиндеветшие на утреннем морозе кишки гридней остались свисать с чёрных веток — как ужасное, предупреждающее украшение для любого, кто посмеет сунуться в эти леса. Ошмётки того, что ещё вчера звалось Мироном, Навь навсегда погребла под тяжёлыми вековыми топами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.